

**«ШЕЛЛИНГИАНСТВО» В.П. БУРЕНИНА
В КНИГЕ «ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТУРГЕНЕВА»**

Реконструкция историко-литературных взглядов В.П. Буренина представляет сложность, поскольку писатель нигде специально не говорит о том, какие задачи ставил перед писателем и литературой. Однако анализ книг 1880-х гг. позволяет утверждать, что философской основой его историко-литературной концепции была теория Ф. Шеллинга. Вероятно, В.П. Буренин не был последовательным «шеллингианцем» и его мнение о литературе не определялось исключительно «Философией искусства». Нам представляется, что он воспринял только некоторые положения, обоснованные и развернутые А.А. Григорьевым. Вместе с тем, шеллингианство В.П. Буренина напоминает взгляды панславистов, которые свели взгляды философа к идее народа как государства.

Цель статьи состоит в том, чтобы выявить пути реализации идей Ф. Шеллинга в книге В.П. Буренина «Литературная деятельность Тургенева» (1884). К сожалению, эта тема до сих пор оставалась вне поля зрения исследователей. Более того, М.П. Лепехин полагал, что «успех Буренина-критика был обусловлен не наличием у него каких-либо определенных убеждений или эстетических концепций, а его способностью подвергнуть уничижительному осмеянию то или иное лицо или литературное явление» [4, с. 311]. В статье, написанной им совместно с А.И. Рейтблатом, утверждается, что «в оценке литературных произведений Буренин исходил, как правило, не из каких-либо объективных критериев оценки, а из субъективного опыта, собственной читательской реакции» [3, с. 366]. Думается, что это не совсем так.

Историко-литературная концепция В.П. Буренина была инструментом, позволявшим обосновать ценность русской литературы как важнейшей сферы духовной жизни народа, не попавшей под иностранное воздействие, и утвердить ее равновеликость литературам европейским, теория «гениев» как нельзя лучше соответствовала этой задаче: В.П. Буренин сосредоточился на выявлении и прославлении того, что можно предъявить Европе как доказательство мощи русского духа. Сразу же отметим, что делает он это прямолинейно и настойчиво, использует стереотипные приемы, в целом совпадающие во всех его исследованиях о «гениях». И это естественно: ведь он попытался приспособить романтические представления Ф. Шеллинга к литературе реалистической, а это сразу же задавало неверный вектор в ее истолковании, ставило литературу в иной контекст в сравнении с тем, в котором она развивалась во второй половине XIX в. Опора на романтическое видение роли национального писателя и места самой литературы в обществе обусловило его неприятие всей литературы последней трети XIX в. как несоответствующей этим высоким, но совершенно далеким от реального положения дел идеалам. В.П. Буренин акцентирует свою мысль путем

замены имени писателя определениями, призванными утвердить его точку зрения, которые нередко подменяют анализ. Выявление этого приема позволяет нам отделить «гениев» в его концепции от тех, кого он считал просто «крупным» талантом.

Книга «Литературная деятельность Тургенева» посвящена «гению», причем В.П. Буренин очень последовательно доказывает именно такое понимание личности писателя и его наследия. В том, как он выстраивает свою систему аргументации, отчетливо ощущается следование логике Ф. Шеллинга. Так, книга начинается с утверждения, что И.С. Тургенев – истинно национальное явление, подобное по характеру своего творчества А.С. Пушкину. Его главными чертами являются: «необычайное простодушие с поразительным критическим анализом жизни, самый чистый идеализм с самым трезвым реализмом, самый пронизательный и ясный ум с самым теплым, сердечным чувством, самое преданное служение искусству с самою чуткою отзывчивостью к стремлениям времени...» [1, с. 2 – 3]. Говоря иначе, в писателе соединились идеальное и реальное, чувство и интеллект, бессознательное и сознательное, что присуще «гению» в шеллинговском понимании. С другой стороны, такая характеристика соответствует и мысли В. Гюго о «двойном» зрении «гения», которую мы приводили в предыдущем разделе. По своему происхождению, образу жизни и материальным возможностям И.С. Тургенев, говорит В.П. Буренин, принадлежал к когорте писателей, которые в совокупности выражают «народный гений» и представляют Россию перед всем миром. Здесь очевидна перекличка с идеей Ф. Шеллинга о гениях как «рупорах» своих народов.

И.С. Тургенев поставлен в литературе вровень с А.С. Пушкиным и Л.Н. Толстым. Благодаря материальной обеспеченности он был свободен и имел возможность писать «когда хотел и сколько хотел, он обрабатывал свои произведения, заботясь единственно о требованиях искусства, о соответствии содержания с формой и не имея в виду иных, посторонних творчеству требований. Вот почему у него не найдется ни одного произведения излишне растянутого, или излишне сжатого, недоконченного, торопливо сделанного. Его повести и романы в большинстве представляют такую тщательную обработку, какую можно только желать. В них не встретится ни одной страницы, которую бы при самой строгой взыскательности можно счесть ненужной, которую бы хотелось откинуть. Это в полном смысле шедевры беллетристики, в которых остается только удивляться тщательной художественной выделке и отделке» [1, с. 7 – 8]. Даже первые опыты И.С. Тургенева не были уязвимыми с художественной точки зрения: критик предлагает сопоставить «Парашу» с ранней поэмой А. Майкова «Машенька» и настаивает, что И.С. Тургенев проявил талант не меньший, чем его известный современник-поэт. Однако настоящим предшественником И.С. Тургенева он называет М.Ю. Лермонтова, проводя параллели между ранними произведениями писателя, «Мцыри» и «Казначейшей». Значимость раннего творчества И.С. Тургенева представляется В.П. Буренину настолько

высокой, что он предлагает в посмертных собраниях сочинений найти для него место, хотя бы и в приложении.

Главную цель творчества И.С. Тургенева он видел в «разоблачении наносных элементов, отягощающих и искажающих русскую жизнь, русские характеры, совлечении с них всяких ложно эффектных, искусственных драпировок», однако начинал писатель свои художественные поиски именно как романтик. Потому, очевидно, ему не вполне удалась попытка описания простых и естественных чувств в «Андрее Колосове», где обнаруживаются слабости юношеского пера. В.П. Буренин спорит с В.Г. Белинским об «Андрее Колосове» и особенно о «Бретёре». В этом произведении, полагает В.П. Буренин, писатель выступил, «и притом довольно смело, против тех фальшивых, искусственных идеалов русской жизни, каким в последующих беллетристических работах он является постоянно» [1, с. 23]. И то, что первый русский критик не увидел в этом произведении потенциала И.С. Тургенева, объясняется образом мыслей самого В.Г. Белинского в ту пору. В.П. Буренин полагает, что писатель сумел вскрыть причины, благодаря которым в душе спокойного, доброго по своей природе русского человека зарождается «душевная хищность», переходящая в «духовную пошлость».

Отдельная глава книги посвящена «Запискам Охотника», где критик видит преобладание чисто художественного над социальным. Мягкость писателя в обрисовке крепостнических порядков он объясняет «женственно-аристократической», а «не протестующей натурой автора» [1, с. 45]. В подтверждение своей мысли приводит раннее произведение Н.А. Некрасова «В дороге». При их сопоставлении обнаруживается как сходство тенденции в описании бедствий простых людей, так и различие в интонации: у Н.А. Некрасова протест выражен открыто, ясно, а у И.С. Тургенева – мягко, «невинно», приглушенно. Изображая и дворянина, и крестьянина он не протестует, а «ищет в них человеческих черт, и рельефно выставляет эти черты» [1, с. 50]. Здесь В.П. Буренин, по сути, говорит о том, что в науке принято именовать психологизмом И.С. Тургенева. Тезис Ф. Шеллинга о том, что отличительным свойством гения является стихийность, бессознательность искусства и что в иерархии искусства высшую ступень занимает «поэт», подтверждается в книге последовательно.

Одна из форм аргументации В.П. Буренина, как уже говорилось, – наименование. Частотность употребления слов «гений», «поэт» и «художник» настолько высока, что привлекает к себе внимание настойчивостью, если не сказать, навязчивостью повторений: «настоящего поэта» [1, с. 6], «поэтический талант» [1, с.9], «поэтическими картинами» [1, с. 10], «от такой поэтической живописи» [1, с. 10], «поэт с признанным, крупным дарованием» [1, с. 10], «начинающего поэта» [1, с. 13], «поэтическим изяществом» [1, с. 19], «непосредственным творчеством поэта» [1, с. 28], «идеально поэтическом изображении русской сельской природы и жизни» [1, с. 44], «поэтической прелести и правдивому реализму картины природы» [1, с. 44], «ее поэтическим и добрым сторонам» [1, с. 45], «смирною и поэтическою правдою» [1, с. 46], «поэтических этюдах» [1, с.

46], «поэтическая фантазия» [1, с. 51], «обаятельной поэтической прелестью» [1, с. 52], «с таким поэтическим проникновением» [1, с. 59], «невольнo опoэтизиpовал его» [1, с. 80], «полны поэтической прелести» [1, с. 100], «является, как всегда, тонким психологом и истинным поэтом» [1, с. 101], «восхищаемся ее художественными и поэтическими прелестями» [1, с. 102], «чудно-поэтический женский образ» [1, с. 115], «удивительные поэтические места и картины» [1, с. 171], «поэт сам вызывал негодование» [1, с. 196], «перед поэтом как бы постоянно носятся образы» [1, с. 200], «полную поэтической прелести» [1, с. 249]. По частотности использования слов «поэт» превышает все другие наименования. Объяснение этому мы видим в том, что у Ф. Шеллинга поэзия занимает ведущее, высшее положение в искусстве и является прерогативой гения. Следующим по частоте использования является синонимичное ему слово «художник» и производные от него: «нашего художника» [1, с. 5], «настоящего художника» [1, с. 6], «тщательной художнической выделке и отделке» [1, с. 8], «поистине художественной выразительности» [1, с. 10], «после смерти великого художника» [1, с. 14], «одним из самых сильных реалистических художников» [1, с. 15], «реалист-художник» [1, с. 18], «в своей художнической простоте» [1, с. 18], «исследователь-художник» [1, с. 19], «настоящий художник» [1, с. 26], «художественности бытовых картин» [1, с. 39] и мн. др.

Слова «поэт» и «художник» являются синонимами слова «гений» и производных от него: «гениальнейшие» [1, с. 4], «гениальному уму» [1, с. 6], «гениальнейших представителей» [1, с. 10], «самобытных и гениальных талантов» [1, с. 14], «в ярком свете его гениального таланта» [1, с. 25], «как гениальный и, следовательно, вполне искренний талант» [1, с. 47], «творческий гений Тургенева» [1, с. 78], «почти гениальных страницах» [1, с. 114], «крупные гениальные художники» [1, с. 122], «гениальнейших представителей русского искусства» [1, с. 143], «гений художника достигает возможной высоты творчества» [1, с. 151], «своим гениальным чутьем» [1, с. 152] и мн. др.

И.С. Тургенев, таким образом, представлен подлинным поэтом, художником, произведения которого эстетически прекрасны и который бессознательно достигает необыкновенной высоты поэтического проникновения, «гением», сочетающим простодушие и аналитичность, идеализм и реализм, чистое чувство и глубокий интеллект. Как и в «Философии искусства» Ф. Шеллинга, В.П. Буренин подчеркивает упорный труд, учение, которые, однако, одухотворяются божественным вдохновением. Подобно всякому гению, И.С. Тургенев опережает свое время: «...его образы, его жизненные наблюдения являются слишком обобщенными, слишком новыми, неподходящими под установившиеся шаблонные взгляды и мерки и возбуждают одинаково пристрастное, одинаково одностороннее отрицание и сочувствие. Нужно пройти некоторому времени для правильной и беспристрастной оценки этих образов и наблюдений» [1, с. 152 – 153]. Ему была присуща творческая интуиция, позволявшая верно отражать действительность и даже те ее стороны,

которые были писателю неприятны, она же освещала иным, неоднозначным светом его образы, которые он стремился сделать положительными. И.С. Тургенев потому гений, что в его произведениях нет тенденции и морализаторства, он стихийно пересоздает действительность, изображает природу и выражает народную нравственность.

В.П. Буренин полагал, что И.С. Тургенев являлся прямым последователем и учеником А.С. Пушкина, «не только по художественному изяществу формы своих произведений, по удивительной силе, простоте и гармонии языка, но также и потому, что, подобно Пушкину, в рамке небольших и по-видимому чисто художественных созданий, он выставлял живые идеи и стремления своего времени» [1, с. 255]. В книге намечаются некоторые оценки роли «первого русского поэта» в истории литературы, которые он позднее разворачивает в юбилейной статье. Сравнение с А.С. Пушкиным, который назван первым русским гением, и с Л.Н. Толстым, дает возможность прочертить линию преемственности. И.С. Тургенев такой же русский, как и А.С. Пушкин, критика так же выражала сомнения в его образованности, как и в уровне образования поэта, он так же вышел из дворянской среды, им так же можно гордиться перед Европой. «Пора, наконец, нам признать, – пишет он, – что как Пушкин, так и Тургенев образовались под условиями довольно счастливыми: с детства они восприняли впечатления народной жизни в ее неиспорченном источнике – деревне, с детства они освоились с иностранными языками, давшими им впоследствии средство ознакомиться с гениальнейшими произведениями всемирной литературы» [1, с. 4 – 5]. Общностью происхождения и условий жизни сходство с А.С. Пушкиным не исчерпывается, она проявляется и в творчестве.

В.П. Буренин подчеркивает, что писатель рано «обнаруживает чарующий стиль, перенятый им непосредственно от Пушкина и Лермонтова» [1, с. 27]. И художественные высоты, достигнутые им, так же оказались непонятны современной критике, как и эстетическое значение «Евгения Онегина». Для того, чтобы подтвердить верность И.С. Тургенева пушкинской традиции, а также утвердить представление о нем, как о «поэте», В.П. Буренин называет «Записки охотника» не циклом, не сборником, а «поэмой»: «Критики, придававшие этой поэме по преимуществу протестующее и обличительное значение, в такой же мере обнаруживали узость взгляда, как некогда при оценке пушкинского “Онегина”»: глубокое произведение, в котором русская действительность известной эпохи отразилась всеми своими сторонами, и при жизни Пушкина, да и впоследствии трактовалось разными премудрыми Аристархами, как “пестрая картина светской жизни” – не более этого!» [1, с. 49]. Это сопоставление дает возможность В.П. Буренину утверждать эстетическую, а не обличительную ценность известного тургеневского цикла, но неверно атрибутировать его жанровую природу. Делает он это, видимо, в угоду избранной им логике: раз И.С. Тургенев – гений, значит, он художник и поэт, а его цикл – «поэма», однако это не отвечает особенностям цикла. С А.С.

Пушкиным, полагал он, творчество писателя связывают и образы русских женщин: именно у него И.С. Тургенев «воспринял мастерство, с каким гениальный поэт создавал свои поэтические женские образы» [1, с. 67]. Но и здесь В.П. Буренин очевидно выпрямляет: не все образы женщин у писателя написаны под влиянием А.С. Пушкина, в них есть не только поэтичность, но и интеллектуальность, некоторый рационализм (Одинцова, Елена и др.).

Его посмертная слава также напоминает В.П. Буренину пушкинскую: «... нечто подобное случилось с Пушкиным, которым восторгались до исступления, когда он бросал легкомысленной толпе свои “политические” эпиграммы, пикантную сказку “Руслан и Людмила” и первые свои поэмы “Кавказский пленник”, “Бахчисарайский фонтан”, писанные под влиянием байронического настроения, чуждого его русской природе. Но когда его творчество созрело вполне, когда он освоился с истинно народными идеалами и начал выражать их в таких совершенных созданиях, как “Борис Годунов” – к нему современное журнальное и общественное мнение охладело. Уже гораздо позднее, когда великий поэт сошел в могилу, когда “замолкли звуки дивных песен”, оценили великую силу и правдивость его поэзии, оценили сродство его поэтического духа с народным духом. С Тургеневым будет то же самое: многое из того, что не было понято и истолковано ценителями и судьями при его жизни, многое из того, что было осуждено, как противоречащее пристрастным требованиям партий, воскреснет теперь, после утраты художника, в новой силе и красоте, озаренное ярким ореолом самой глубокой правды и самой проникновенной мысли» [1, с. 111 – 112]. Однако тут и сам В.П. Буренин впадает в односторонность: недооценивая раннее творчество А.С. Пушкина, отказывая ему в самобытности, связывая его лишь с влиянием Байрона, он так же тенденциозен, как и критики, против которых он выступает.

Наряду со сходством между И.С. Тургеневым и А.С. Пушкиным, В.П. Буренин обнаруживает между ними и различия, например, в интересе к истории. «Посмотрите на деятельность таких крупных художников, как Пушкин, как граф Лев Толстой. Первый, помимо своих поэтических вдохновений, помимо изучений чисто литературных, погружался в изучения исторические, плодом которых были, кроме его “Бориса Годунова” и “Капитанской дочки”, такие труды, как “История пугачевского бунта” и недовершенная только вследствие рановременной смерти, “История Петра Великого”. Графу Льву Толстому для создания его громадной эпопеи “Война и мир”, конечно, пришлось сделать массу исторических изучений, пришлось много поработать не только над трудами историков, но даже над сырыми рукописными материалами. Я не говорю уже о другой его в высшей степени полезной и упорной деятельности, выходящей из круга художества – о деятельности по части народного образования, ознаменованной также замечательными трудами. Ограничиваюсь только двумя примерами Пушкина и Толстого, примерами, свидетельствующими о том, что крупные гениальные художники почти всегда, рядом с своими чисто художественными работами, посвящают себя иному, быть может не столь

сродным их натуре, но тем более упорным и почтенным трудам. У Тургенева мы не видим стремления к подобного рода трудам...» [1, с. 122]. Причиной этого, которая также не умаляет его в глазах В.П. Буренина, было отношение к писательству как к наслаждению, а всякая подготовительная научная работа не казалась ему привлекательной. Кроме того, его произведения и так выдают в нем глубокого мыслителя, несмотря на то, что он не оставил специальных научных трудов [1, с. 154].

Отличие между А.С. Пушкиным и И.С. Тургеневым состояло еще и в особенностях их характеров: мужественный у первого и женственный, мягкий у И.С. Тургенева. Эту разницу впоследствии также отмечал и углублял Д.С. Мережковский в статьях «Тургенев» (1909) и «Поэт вечной женственности» (1914), стоявший, однако, на совершенно иных позициях. Для него это отличие в характерах означало разницу в художественном стиле, в предмете изображения: он полагал, что женский характер писателя позволял ему лучше и вернее изображать внутренний мир женщин. В.П. Буренин использует это наблюдение для того, чтобы пояснить болезненные реакции И.С. Тургенева на критику: его «очевидно, очень тревожило то “общественное мнение”, которое по отношению к художественным созданиям так часто бывает именно “судом глупца” и, волнуясь его отзывами, он нередко порывался как бы оправдать себя, порывался поправить в следующем произведении то, за что его упрекали в предыдущем» [1, с. 154]. Несмотря на обнаруженные критиком различия с А.С. Пушкиным и Л.Н. Толстым, он считал правильным рассматривать «Отцы и дети» в одном ряду с «Евгением Онегиным», «Мертвыми душами», «Героем нашего времени» и «Войной и миром» [1, с. 165].

Взгляды В.П. Буренина на творчество И.С. Тургенева пережили эволюцию. Еще в середине 1870-х гг. он довольно равнодушно относился к его творчеству, а в монографии создает, по существу, панегирик писателю. В брошюре «Русская литература в ее современных представителях» (1875) С.А. Венгеров так объяснял изменение позиций критика: «Г. Буренин в одно и то же время расхваливал Решетникова и благоговел перед Пушкиным. Отношение к Пушкину современной критики вообще крайне характерно. Давно ли прошло то время, когда хвалить великого поэта значило рисковать нажать себе прозвание человека отсталого, “эстетика”. А теперь на этот счет очень вольготно. Восхищаешься Пушкиным и ничего – сходит. И г. Буренину не приходится быть названным ретроградом за симпатии к основателю художественной школы русских поэтов. Г. Буренин вообще смотрел за тем, чтоб “мысль” проникала известное беллетристическое произведение и “художественность” была бы соблюдена. Одна из этих двух принадлежностей всего относящегося к изящной литературе его не удовлетворяла. “Вешние воды” наравне с тенденциозными романами “Дела” были неодобрительно встречены г. Бурениным. Как видите, он не эстетик-реалист а la Аполлон Григорьев и не реалист а la Писарев. И он себе избрал благую честь эклектика, черпающего всюду хорошее и всецело ни к какому “толку” не приписывающегося. Партийность должна быть чужда критику,

ибо она мешает беспристрастному отношению к делу» [2, с. 16]. Видимо, не соглашаясь с В.П. Бурениным, стремившимся сохранять независимое от литературных «партий» положение, С.А. Венгеров довольно точно выразил его критическое кредо: только то, в чем выразилось гармоническое сочетание интеллекта и поэзии чувства («мысли» и «художественности»), можно считать выдающимся произведением литературы.

Теория «гениев» в наследии В.П. Буренина не имела самостоятельного и оригинального характера. В ней он оказывается эпигоном романтического представления о гениях как выразителях национального духа и психологии, сближающегося с панславистским убеждением, что народ это и есть государство. Утилитарный характер его историко-литературной концепции связан с потребностью подвести итоги развития литературы, утвердить ее национальную самобытность и ценность в сравнении с литературами западноевропейскими.

Литература

1. Буренин В.П. Литературная деятельность Тургенева. Критический этюд [Текст] / Виктор Петрович Буренин. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1884. – 264 с.
2. Венгеров С.А. Русская литература в ее современных представителях. Критико-биографические этюды Семена Венгерова. Иван Сергеевич Тургенев [Текст] / С.А. Венгеров. – СПб.: Типолитография Вилькина и Эттингера, 1875. – 59 с.
3. Лепехин М. Буренин Виктор Петрович / М. Лепехин, А. Рейтблат // Русские писатели. 1800 – 1917. Биографический словарь. [Гл. ред. П.А. Николаев, ред. кол. В.Н. Баскаков и др.]. – Т. I. А – Г. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1989. – с. 365 – 367.
4. Лепехин М.П. Буренин / М.П. Лепехин // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Библиографический словарь: В 3 т. [Под ред. Н. Н. Скатова]. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. – Том 1. – С. 311-315. (РАН. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом)).

Анотація

С.Л. Лобзова. Шеллінгіанство В.П. Буреніна у книзі «Литературная деятельность Тургенева».

У статті пропонується гіпотеза, згідно з якою своєрідність історико-літературної концепції В.П. Буреніна може бути виявлена шляхом реконструкції соціально-філософських передумов, на яких вона формувалася. Одним з чинників усвідомлюється «теорія геніїв» Ф. Шеллінга, риси якою знайдено у книзі В.П. Буреніна. І.С. Тургенев віднесений до геніїв російської літератури завдяки гармонійному поєднанню у його творах майстерності та стихійності почуття, форми та думки, вираженню ідеального змісту, відповідного співвідношення частини твору із цілим, задумом. Все це у філософії Ф. Шеллінга приматанне «генію».

Ключові слова: шеллінгіанство, теорія геніїв, історико-літературна концепція, національна самобутність, народ-державна.

Аннотация

С.Л. Лобзова. «Шеллингианство» В.П. Буренина в книге «Литературная деятельность Тургенева».

В статье предлагается гипотеза, согласно с которой своеобразие историко-литературной концепции В.П. Буренина может быть выявлено путем реконструкции социально-философских предпосылок ее формирования. Одним из факторов осознается «теория гениев» Ф. Шеллинга, черты которой найдены в книге В.П. Буренина. И.С. Тургенев отнесен к гениям русской литературы благодаря гармоническому соединению в его произведениях мастерства и стихийности творчества, формы и мысли, выражению идеального содержания, определенного соотношения частей произведений с целым, с замыслом. Все это в философии Ф. Шеллинга присуще «генію».

Ключевые слова: шеллингианство, «теория гениев», историко-литературная концепция, национальная самобытность, народ-государство.

Summary

S.L.Lobzova. "Shellingianstvo" of V.P. Burenin in the book «Turgenev's Literary Activity».

The article offers the hypothesis, according to which, the originality of the historical and literary concept of V.P. Burenin can be revealed by the way of reconstruction of social and philosophical preconditions of its formation. One of factors realizes «the theory of geniuses» by F.Schelling, the features of which are found in the book of V.P. Burenin. I.S.Turgenev is considered to be the genius of Russian literature thanks to harmonious connection in his works of skill and creative spontaneity, form and thought, expression of the ideal content, a certain

ratio of parts of works with a whole, with a plan. All of this in F.Schelling's philosophy is inherent in "genius".

Key words: shellingianstvo, «theory of geniuses», historical and literary concept, national originality, people -state.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати д.ф.н., проф. Е.А. Андрущенко.